



DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00048

Д. Банасяк (Лодзь, Польша)

ПРОБЛЕМА ПАМЯТИ В «ЖЕНСКОЙ» ПРОЗЕ ОЛЬГИ СЕДАКОВОЙ

Аннотация. Статья рассматривает тематику *trauma studies* с различными ее аспектами (память, национальная и культурно-историческая идентичность, искусство в посткатастрофическую эпоху). Для анализа мы выбрали эссеистические тексты Ольги Седаковой, затрагивающие вопросы как о «национальной памяти» и «моральном состоянии человека» в современном мире, так и о значительной роли женщин, связанных с культурой в бедственное время. Ольга Александровна Седакова является прежде всего поэтессой, представительницей современной русской метафизической поэзии, и переводчиком европейской литературы (Р. Рильке, Т. Элиота, П. Клоделя, П. Целана, Ф. Петрарки, Данте). Она написала также ряд эссе на философские, моральные и богословские темы, а также эссе, в которых рассуждает о поэзии и литературных судьбах писателей. В статье проанализирована позиция Ольги Седаковой по отношению к женщинам (поэтессам, писательницам, деятелям культуры), таким как: Анна Ахматова, Светлана Алексиевич, Антония Арслан, Марина Цветаева, Анна Баркова, Наталья Трауберг и др., которые в своих текстах относились к проблеме человека в пограничных, катастрофических обстоятельствах. Благодаря эссеистической оптике выявляются аргументы и идеи Седаковой на тему творческой и культурной деятельности этих женщин. Особый интерес эссеиста проявляет к творчеству лауреата нобелевской премии – Светланы Алексиевич, а также произведению «Повесть о книге из Муша» итальянской писательницы армянского происхождения – Антонии Арслан. Анализ в статье праведен с использованием герменевтического метода исследования с учетом исторического, общественно-политического и литературного контекста. Так как эссе Седаковой богаты литературными и внелитературными цитатами, аллюзиями и реминисценциями, мы применили также интертекстуальный метод.

Ключевые слова: Ольга Седакова; Светлана Алексиевич; Антония Арслан; память; женщины; эссе; поэзия.

D. Banasiak (Lodz, Poland)

The Problem of Memory in “Women’s” Prose by Olga Sedakova

Abstract. The article deals with the topic of trauma studies with its various aspects (memory, national and cultural-historical identity, art in the post-catastrophe era). For the analysis, we selected essay texts by Olga Sedakova, which touch on the issues of “national memory” and the “moral state of man” in the modern world, as well as the functions of women associated with culture in times of distress. Olga Sedakova is primarily a poet, representative of contemporary Russian metaphysical poetry, and a translator of European literature (R. Rilke, T. Eliot, P. Claudel, P. Celan, F. Petrarch,



Dante). She has also written a number of essays on philosophical, moral, and theological topics, as well as essays in which she discusses poetry and the literary destinies of writers. The article analyzes the position of Olga Sedakova in relation to women (poets, writers, cultural figures), such as: Anna Akhmatova, Svetlana Alexievich, Antonia Arslan, Marina Tsvetaeva, Anna Barkova, Natalia Trauberg, etc., who in their texts treated the problem of man in borderline, catastrophic circumstances. Thanks to the essayistic optics, Sedakova's arguments and ideas on the topic of the creative and cultural activities of these women are revealed. The essayist is particularly interested in the work of the Nobel Prize winner – Svetlana Aleksievich, as well as the work “The Story of the Book from Mush” by the Italian writer of Armenian origin – Antonia Arslan. The analysis in the article is made using the hermeneutical method of research, taking into account the historical, socio-political and literary context. Since Sedakova's essays are rich in literary and non-literary quotations, allusions and reminiscences, we also used the intertextual method.

Key words: Olga Sedakova; Svetlana Alexievich; Antonia Arslan; memory; women; essays; poetry.

Ольга Александровна Седакова является прежде всего поэтессой, представительницей современной русской метафизической поэзии. Переводила стихотворения из немецкого (Р. Рильке), английского (Т. Элиот), французского (П. Клодель) и итальянского (П. Целан, Ф. Петрарка, Данте). С эрудицией занимается также филологическими, философскими, богословскими и этнографическими проблемами как ученая. Кроме того, пишет эссе, которые сама разделила на две группы текстов. Книга «Moralia» состоит из эссеистических высказываний на философские, моральные и богословские темы. Сборник «Poetica» содержит ряд эссе, касающихся рассуждений о поэзии, поэтике и поэтических судьбах выдающихся деятелей культуры. Эссеистические тексты указывают прежде всего на вопрос о «человеческом положении» (*conditio humana*) в современном мире. Поэтесса в прозаической форме философствует о смысле жизни и ценностях человека.

Широко известно, что во второй половине XX века в России происходит настоящий «взрыв» эссеистики, тематически многообразной, касающейся повседневности, эстетики, этики, политики и философии. Эссе XX века предстает как пространство рефлексии над действительностью и авторефлексии, становления смысла, как размышление, становящееся литературой. Чертами современного эссе являются динамика образа, сложная сеть ассоциаций, парадокс как способ игры с читателем. В формальном аспекте эссе Седаковой похоже как на литературные, так и на философские тексты, а особенной их чертой является постоянная цитация, литературные аллюзии и реминисценции.

Седакова указывает в эссеистике на творчество, судьбы женщин, таких как: Анна Ахматова в эссе «Шкатулка с зеркалом. Об одном глубинном мотиве Анны Ахматовой» [Седакова 2010, 322–348], а также в тексте «И почему у нас совесть и страх». К юбилею Анны Ахматовой» [Седакова



2010, 454–459], Марина Цветаева в эссе «Пушкин Ахматовой и Цветаевой» [Седакова 2019 с], Елена Шварц в произведении «L'antica fiamma» [Седакова 2010, 567–579], а также Анна Баркова [Седакова 2010, 444–453], Наталья Трауберг [Седакова 2019 а] и Эмили Дикинсон [Седакова 2019 б]. В статье рассмотрим идеи Ольги Седаковой, появившиеся в ее эссеистических текстах в связи с литературной деятельностью Светланы Алексиевич и Антони Арслан. Для анализа мы выбрали два текста: «Молчание Светланы Алексиевич и одиночество человека», а также «Ангелы и львы. О книге Антони Арслан “Повесть о книге из Муша”».

Попытаемся ответить на вопрос: какой образ этих писательниц возникает в оптике Седаковой-эссеистки? В анализе используем герменевтический метод вычитывания текста, обращая внимание также на исторический, общественно-политический и литературный контексты. Существенным подходом к анализу эссеистических текстов оказался также интертекстуальный метод работы с текстом. В процессе исследования текста, определив те или другие интертексты, попытаемся выявить динамику смыслов, которые рождаются на стыке текста и интертекста. Выбор интертекстуального подхода обусловлен спецификой анализируемых текстов, в которых автор постоянно ссылается на «чужое слово» в форме цитат, аллюзий, реминисценций и других форм интертекстуальности. Методологической основой статьи послужили труды русских (М.М. Бахтин [Бахтин 1986 а; Бахтин 1986 б; Бахтин 1986 с; Бахтин 1987], И.И. Ильин [Ильин 1996], Н.А. Кузьмина [Кузьмина 2009], А.С. Жулинская [Жулинская 2007, 140]), польских (R. Nycz [Nycz 1993], S. Balbus [Balbus 1990], M. Głowiński [Głowiński 1986, 75–100], H. Markiewicz [Markiewicz 1989, 206]), западноевропейских и американских (J. Kristeva [Кристева 2000, 427–457], R. Barth [Барт 1994; Барт 2002], G. Genette [Женетт 1998], M. Riffaterre [Riffaterre 1998], M. Foucault [Фуко 1996], N. Piegay-Gros [Пьерге-Гро 2008]) историков и теоретиков литературы, специалистов в области теории интертекстуальности.

В произведениях Седаковой можно выявить элементы, указывающие на их связь с другими текстами или отсылающие к определенным литературным, историческим или культурным фактам, которые фигурируют в качестве интертекстов. Интертекст является компонентом структуры произведения, имеющим характер «другого текста», проявляющимся в разных формах. Выражением интертекста являются цитаты, аллюзии, реминисценции. Интертекст имеет две основные формы воплощения в тексте: эксплицитную (явная) и имплицитную (скрытая). Наиболее очевидной, эксплицитной, формой интертекста является маркированная цитата, поскольку позволяет непосредственно наблюдать, каким образом один текст включается в другой. Кроме интертекстуальности, понимаемой как соприсутствие в одном тексте других текстов, в статье обращено внимание и на другие типы интертекстуальных связей: паратекстуальность (отношение текста к своему заглавию, эпиграфу), метатекстуальность (комментирующая и / или критическая ссылка на свой предтекст), архитектекстуальность



(жанровая связь текстов) [Женетт 1998, 79–93].

Начнем со Светланы Алексиевич, которая стала известной для широкой публики в 2015 г., когда Шведский фонд вручил ей Нобелевскую премию по литературе. Белорусская писательница пишет по-русски. Пять ее книг получили особенную известность: 1) «У войны не женское лицо» (1985), 2) «Последние свидетели (сто недетских рассказов)» (1985), 3) «Цинковые мальчики» (1989), 4) «Чернобыльская молитва. Хроника будущего» (1997), 5) «Время секунд-хенд» (2013). Произведения Алексиевич посвящены жизни позднего Советского Союза, а также постсоветской эпохе и написаны в жанре художественно-документальной прозы. Именно жанровая природа произведений Алексиевич заинтересовала Седакову-эссеистку. Критики полагают, что произведения Алексиевич принадлежат не художественной литературе, а просто журналистике [Поляков 2019]. Критика произведений Алексиевич в сознании Седаковой ассоциируется с критикой, которая проходила после публикации произведения «Народ на войне» (1917) Софии Федорченко [Седакова 2016, 187–198], которая собирает фрагменты реплик, создавая огромный хор, как пишет эссеистка, «многоголосый голос собирательного героя истории, русского крестьянства, воюющего на Первой мировой войне» [Седакова 2016, 187] и замечает, что высказывания героев «Народа на войне» напоминают голоса, с которыми мы встречаемся в произведениях Алексиевич. По мнению эссеистки, в текстах как Федорченко, так и Алексиевич не выражена позиция автора, «мы не слышим ее [Алексиевич – Д. Б.] голоса, как в записанных текстах не слышим голоса собирателя-фольклориста» [Седакова 2016, 188] – подчеркивает эссеистка. Заглавие эссе, «Молчание Светланы Алексиевич...», также подтверждает позицию Седаковой. По нашему мнению, Седакова мифологизирует личность лауреатки Нобелевской премии. Позиция автора в этих произведениях ценностно и ясно выражена не только в комментариях и собственных воспоминаниях [Алексиевич 2008, 6], но также в отборе материала:

Утром каратели подожгли нашу деревню... Спаслись только те люди, которые убежали в лес. Убежали без ничего, с пустыми руками, даже хлеба с собой не взяли. Ни яиц, ни сала. Ночью тетя Настя, наша соседка, била свою девочку, потому что та все время плакала. С тетей Настей было пятеро ее детей. Юлечка, моя подружка, сама слабенькая. Она всегда болела... И четыре мальчика, все маленькие, и все тоже просили есть. И тетя Настя сошла с ума: «У-у-у... У-у-у...» А ночью я услышала... Юлечка просила: «Мамочка, ты меня не топи. Я не буду... Я больше есточки просить у тебя не буду. Не буду...». Утром Юлечки я уже не увидела... Никто ее не нашел... Тетя Настя... Когда мы вернулись в деревню на угольки... Деревня сгорела... Тетя Настя повесилась на черной яблоне в своем саду. А дети стояли возле нее и просили есть... [Алексиевич 2008, 34].

Автор комментирует эмоционально высказывания своих собеседников и даже влияет на чувства читателя, подчеркивая некоторые сведения, по-



догревает эмоции. В излишней эмоциональности, поэтике «грубых методов, основанной на выжимании слез», упрекала Алексиевич современная писательница Татьяна Толстая [Румянцева 2019].

Стоит подчеркнуть, что Алексиевич является равноправным собеседником, тем же самым советским человеком, воспитанным по определенной схеме [Геллер 1985, 89–100].

Я помню свои ощущения в Чернобыле. Там даже звуки другие. Все без человека. Дома без человека. Пространство вместо жизни. Мелькнет в сознании: а где-то сейчас люди убивают друг друга – в Боснии, Чечне, Алжире. Убивают после Чернобыля... А там никого убивать не хочется. Даже муху или мошку. Пусть мухи летают, осы жалят, тараканы ползают. Это – жизнь! Чувство жизни обострено, а как иначе среди стольких ликов смерти, когда тебя может убить вода, земля, трава... Только там постигаешь: в каком прекрасном мире мы еще недавно жили. Его больше нет [Алексиевич 2019 а].

Сама Алексиевич как журналистка высказывалась, что репортажи могут быть или истинные (скрыто сняты на пленку, когда герой не знает о том, что его снимают) или просто репортажи, когда участник разговора знает, что его высказывание будет использовано для разных целей [Алексиевич 2019 е]. В таком случае всегда появляется хотя бы минимальная доза актерства, выстраивание высказывания по воображениям героя, которого наблюдают или слушают.

Своеобразная мода на Алексиевич, ее популярность не только в бывших странах СНГ, но и на Западе, по-нашему, это свидетельство не только художественной силы ее документальной прозы, но также того, что она стала кульминационным голосом переломных событий в СССР. Названная проблема проявляется в тематике репортажей. Тема войны, цинковых гробов мальчиков или тема т.н. сантиментов за советской безответственностью распухла в обществе до таких размеров, что интеллигентная писательница текстуализировала этот хор, который был слышен отовсюду. Алексиевич является выразительницей этих устных историй.

Тексты, тексты. Повсюду – тексты. В квартирах и деревенских домах, на улице и в поезде... Я слушаю... Все больше превращаюсь в одно большое ухо, все время повернутое к другому человеку. Я «читаю» голос... [Алексиевич 2008, 22].

Исследователи сравнивают поэтику ее произведений с традицией устных историй (*oral history*) [см.: Усна жіноча історія 2003; Мещеркина 2004, 13–24; Marchesini 2017, 313–329; Karpusheva 2017, 259–280]. Сама автор репортажей ищет соответствующий жанр для описания горестных событий истории СССР в оптике обыкновенных людей. «Свои книги я выслушиваю и выслушиваю на улицах» [Шевченко 2018, 249–265] – высказывается Алексиевич. В другом месте говорит: «Меня интересует история чувств, и я пишу историю чувств... Мой предмет исследования – миро-



ощущения. Пишу и собираю повседневность чувств, мыслей, слов. Пытаюсь постичь быт души. Жизнь обычного дня обычных людей» [Алексиевич 2016, 30].

По нашему мнению, поэтика произведений Алексиевич напоминает бахтинскую «хоровую одержимость» и, следовательно, в таком аспекте близка лирической поэтике.

Авторитет автора есть авторитет хора. Лирическая одержимость в основе своей – хоровая одержимость. Это бытие, нашедшее хоровое утверждение, поддержку хора. <...> Лирика – это видение и слышание себя изнутри эмоциональными глазами и в эмоциональном голосе другого: я слышу себя в другом, с другими и для других. <...> Я нахожу себя в эмоционально-взволнованном чужом голосе, воплощаю себя в чужой воспевающий голос, нахожу в нем авторитетный подход к своему собственному внутреннему волнению; устами возможной любящей души я воспеваю себя. Этот чужой, извне слышимый голос, организующий мою внутреннюю жизнь в лирике, есть возможный хор, согласный с хором голос, чувствующий вне себя возможную хоровую поддержку [Бахтин 1986 а, 103].

В произведениях Алексиевич появляется также проблема самоидентификации, самопонимания в «эмоционально-взволнованном» хоре героев, таких как сама автор – советских людей. Культурная память поколений составляется также из смеси широко доступных и распространяемых средствами массовой информации фактов и мифов. «Весь этот сплав прочитанного, пережитого, услышанного поступает в “личный архив” как писателя, так и читателя и интенсивно переживается ими, формируя отношение к реальности» [Балина 2003].

Произведения Алексиевич, по нашему мнению, являются текстуализацией общественного сознания, текстуализацией эмоций народа, который в отдельных лицах хочет понять сам себя и ему нужно высказаться в диалоге. По Бахтину, понимание личности невозможно перед зеркалом, только в диалоге с другим человеком [Бахтин 1986 а, 217]. Другой нужен для самопонимания. В произведениях Алексиевич также автор постоянно самоидентифицируется, является равноправным голосом, равноправной героиней, участницей хора постсоветского народа, выразительницей этой «хоровой одержимости».

Немаловажной темой, на которую обращает внимание Седакова, является тема войны, всегда присутствующая в советском обществе. С ней связана проблема памяти в народе, а также проблема текстуализации истории.

Пишу книгу о войне... Я, которая не любила читать военные книги, хотя в моем детстве и юности у всех это было любимое чтение. У всех моих сверстников. И это неудивительно – мы были дети Победы. Дети победителей. Первое, что я помню о войне? Свою детскую тоску среди непонятных и пугающих слов. О войне вспоминали всегда: в школе и дома, на свадьбах и крестинах, в праздники



и на поминках. Даже в детских разговорах. <...> Мы не знали мира без войны, мир войны был единственно знакомым нам миром, а люди войны – единственно знакомыми нам людьми. Я и сейчас не знаю другого мира и других людей. А были ли они когда-нибудь? [Алексиевич 2008, 6]

Седакова обращает внимание на историчность и принадлежность к истории в творчестве Алексиевич. Пережитое и высказанное героями принадлежит уже не личной жизни, а истории, которая является важнейшей и неотступной мыслью русской культуры. Сама Алексиевич также подчеркивает эту тему в своих произведениях.

Судьба – жизнь одного человека, история – жизнь нас всех. Я хочу рассказать историю таким образом, чтобы не потерять из виду судьбу... Одного человека...

– Больше всего в Чернобыле запоминается жизнь «после всего»: вещи без человека, пейзажи без человека. Дорога – в никуда, провода – в никуда. Нет, да и подумаешь, что это – прошлое или будущее?

– Мне иногда казалось, что я записываю будущее... [Алексиевич, 2019 d].

Эссеистка обращает внимание, что писатели раньше профессиональных историков пытаются обдумать прошлое. Довольно вспомнить о Пушкине с его «Борисом Годуновым», «Полтавой» и «Капитанской дочкой», Льве Толстом с его замыслом «Декабристов» и «Войной и миром», о Борисе Пастернаке с «Доктором Живаго», Александре Солженицыне с его монументальным замыслом «художественного исследования истории» [Седакова 2016, 190]. Не только проза, но и поэзия XX века берет на себя историческое задание, прежде всего летописная поэзия Анны Ахматовой:

Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марусь [Ахматова 1969, 8].

Поэтическую летопись о безвинных жертвах в моменты русской истории, когда над русским народом «звезды смерти стояли», писали также, по мнению Седаковой, Борис Пастернак и Михаил Булгаков.

Русскому народу может угрожать историческое забвение, так как в советское время, замечает эссеистка, официально существовал «императив ритуального предания забвению» [Седакова 2016, 191], который в ее сознании ассоциируется с древнеримским «*damnatio memoriae*», т.е. проклятием памяти, понимаемым как особый вид казни врагов государства. Не только осужденный, но сама память о нем должна была быть истреблена. В сталинскую эпоху, считает Седакова, власть практиковала опыт «*damnatio memoriae*» со всем размахом. Лица осужденных, даже в семейных альбомах, вырезались из фотографий, их имена стирались в книгах, о них не говорили в самом узком кругу друзей. Ритуальному забвению должны



были быть преданы и события, которые показывали власть в худом свете (договор Молотова – Риббентропа, чернобыльская катастрофа и т.п.). Пропаганда и жестокая цензура памяти уничтожала прошлое, общее и личное [Седакова 2016, 192]. Книги Алексиевич снимают «*damnatio memoriae*» – утверждает эссеистка.

Кроме страдания, произведения лауреатки Нобеля полны невыносимой жестокости, «дьявольской жестокости власти к собственному населению» [Седакова 2016, 193]. Все пять книг являются хроникой величайшего преступления, которое возмущает, приводит в негодование [Седакова 2016, 194]. Однако самой существенной проблемой произведений Алексиевич является не столько сама история, но отдельный человек в вихре истории, который является ее жертвой. В таком же смысле высказывается об обыкновенных человеческих судьбах в своей Нобелевской лекции Иосиф Бродский: «Это те, кто, не выбирая и не обдумывая, приняли то, что предложила им история. Те, кто стал инструментом в ее руках» [Бродский 2008, 14]. Седакова цитирует фрагмент стихотворения «Ночь» Бориса Пастернака: «Ты вечности заложник / У времени в плену» [Пастернак 1991, 95]. Героям книг Алексиевич незнакомо чувство принадлежности к вечности и внутренней свободы. Послереволюционная история предложила человеку новый мир, «не просто место в истории, а место творца истории: советский человек чувствовал себя в авангарде исторического процесса, неуклонно идущего к светлому будущему всего человечества» [Седакова 2016, 194]. Участие в «красной утопии» было подобно участию в религии со своими святынями и святыми. Адепты советской идеологии с ее уходом утратили смысл собственного существования. С крушением идеологии история для такого человека кончилась. Светлана Алексиевич показала в книге «Время секунд хэнд» «красного человека» последних десятилетий, с его ностальгией по временам, которые эссеистка вспоминает как кошмар [Седакова 2016, 195].

Как Алексиевич, так и ее герои чувствуют себя обманутыми, потому что их воспитали по советским нормам. Подтверждается тезис о том, что автор репортажей является одним из героев, собеседников, напрасно пытающимся понять себя и свое место в постсоветском мире. В одном из интервью Алексиевич высказалась на тему обмана Советском Союзом:

Польский писатель и лауреат Нобелевской премии Чеслав Милош говорил, что фашизм был внушителен, но было в нем что-то от безвкусной мимолетной оперетты. Коммунизм же кажется торжественным и еще не раз проявит себя в будущем. В 90-е годы у некоторых из нас было такое чувство, что все может измениться и что благоразумие одержит верх. Мы не могли предвидеть, что сделаем столько шагов назад. Затем мы поняли, что человек, вышедший из концлагеря, никогда не почувствует себя свободным сразу же. Свобода – это долгий и медленный путь [Алексиевич 2019 d].

Нервом повествования у Алексиевич является не вина, а страдание,



а также библейские, апокалиптические мотивы, особенно во «Времени секонд-хенд» и «Чернобыльской молитве» [Седакова 2016, 196]. Алексиевич, вникая в глубину каждого отдельного человека, ищет собственно человеческое в «красном человеке». Человеческим оказывается страдание, а в нем – человеческое величие и сила. В страдании, конечно, есть и вопрос о его смысле, на который нет авторского ответа. В этом смысле также подчеркнем заглавное «Молчание Светланы Алексиевич». Страдающий человек остается одиноким, как автор и читатель.

Тема устной традиции и страдания народа прозвучала также в «Повести о книге из Муша» Антонии Арслан. Писательница армянского происхождения пользуется в Италии особым уважением. К ней относятся как к «моральному авторитету». В повести описана судьба преследуемых солдатами оттоманской армии пяти жителей одной из деревень в долине Муша (ныне – территория Турции). Они ценой собственной жизни спасают национальную святыню, символ духовного единства и возрождения Армении. Трое из пяти героев повести гибнут, спасая древнюю иллюстрированную рукопись XIII века на пергаменте, которая весит 28 кило. Информация об этой святой для армян книге переходила из уст в уста. Каждый человек, принадлежащий к этой культуре, знал ценность народного достояния, впитал ее с молоком матери. По нашему мнению, культурная память народа является его потенциалом и спасением, особенно в кризисных моментах истории, каким был геноцид армян 1915 г. Арслан и Алексиевич текстуализируют не только память о людях, эмоциях, они выражают также культурную память, актуализируют ценность и пафос культурной принадлежности во времена пограничных, трагических событий. Востребование культурной тождественности и самоопределения, особенно в эпоху, когда кажется человеку, что даже Бог оставил погруженный в ненависти мир, акцентировал Иоанн Павел II [Jan Paweł II 2005], а также современный философ Чарльз Тейлор [Taylor 1989].

Арслан рассказывает о чудовищном времени, но помимо трагической тематики, Седакова замечает, что «в этом необычном повествовании присутствует музыка и сказка» [Седакова 2013, 213] и называет книгу Арслан «трагедией со счастливым концом» [Седакова 2013, 214]. В художественном мире романа Арслан появляются духовные и сказочные элементы, например, Немой Ангел, который охранял героев, или улыбающиеся армянские львы с шарфом на шее, идущие вместе с беглецами. Повествование в книге колеблется между сновиденческим и конкретным мирами [Седакова 2013, 217].

– Смотрите, это ангелы, видите? – говорит восхищенно Овсеп, обводя пальцем два вдохновенных лика, знак божественной мудрости, которые выглядывают слева из плотного многоцветного ковра пальметок и спиралей. <...> А львов видишь? – отвечает стоящая за ним Гоар. – Это армянские львы, улыбающиеся и с шарфом вокруг шеи [Арслан 2017, 49].



Антония Арслан пишет книги не только о великом горе и неслыханном злодействе, но также о мудрости; она «учит человека доверять тому, что в любой случайности, в любой встрече его жизни есть какой-то смысл» [Седакова 2013, 218]. Эссеистка видит счастливый конец этой истории, во-первых, в спасении простыми, обыкновенными людьми древних Книг. Вместе с драгоценным достоянием народа, обреченного на истребление, спасена его честь «перед небом и перед историей» [Седакова 2013, 213]. Во-вторых, восхищение у автора эссе вызывает также факт, что нашелся рассказчик, сохранивший память о великом горе, страдании и мужестве. Таковую же функцию творчества эссеистка видит в произведениях Светланы Алексиевич, Бориса Пастернака, Анны Ахматовой, Анны Барковой, Веры Меркурьевой или Леонида Аронсона [Седакова 2010, 515–528].

Седакова ставит творчество Арслан в ряду пастернаковских и ахматовских произведений, чтобы выразить мысль о необходимости искусства после катастрофы, после ужаса и утраты. «Без искусства, которое послужит мученикам минувшего века, – отмечает Седакова, – вырвет их жизнь из забвения, станет свидетелем их славы, вся эта история будет и дальше тянуть человечество ко дну, как камень на шее» [Седакова 2013, 215].

Цитата из стихотворения «Ночь» Бориса Пастернака в структуре эссе Седаковой конденсирует мысль о том, что писатель, человек искусства является после народных катастроф выразителем страдания, а текстуализируя страдание, проводит процесс, противоположный проклятию памяти.

Душа моя – печальница
О всех в кругу моем.
Ты стала усыпальницей
Замученных живьем [Пастернак 1991, 75].

Память о смерти, о «замученных живьем», с одной стороны, актуализирует подчеркнутый эссеисткой совет «memento mori» («помни о смерти»), придавая ему дополнительный смысл памяти о ушедших поколениях. История ценностна для самоидентификации современных поколений, определения собственных корней, рефлексии над основными онтологическими и этическими вопросами. С другой стороны, поэт хранит от забвения скорбь, мученье, ужас и порабощение невинных. Роль поэта – затрагивать проблему ответственности за память о жертвах и палачах, проблему преступления и наказания, справедливости и прощения.

Горькую правду о забвении прошлого советским человеком выражает Алексиевич:

Почему мы оказались без прошлого, без истории. А если обращаемся в будущее или представляем себе прошлое, то это сэконд-хэнд: все копии, чужие, или западные, или копии себя прошлых, того, что уже должно бы остаться в другом времени. Я не говорю, что мы не должны помнить о войне. Но топор войны давно пора спрятать. Он же у нас постоянно висит над изголовьем. А ведь это уже



не просто память. Это желание держать наше сознание в мобилизационном таком состоянии, чтобы мы воспринимали как нормальные все эти наши постоянные экстремальные, чрезвычайные ситуации, в которых мы беспрерывно живем [Алексиевич 2019 с].

Особенно сильно эта функция поэта прозвучала в поэме «Реквием» Анны Ахматовой, которая в автобиографическом произведении является свидетельницей не только своего горя и отчаяния во время Красного террора, когда стояла в очередях к осужденному и приговоренному к смерти сыну. Она является выразительницей страдания целого народа тех, переполненных страхом и ненавистью лет.

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

– А это вы можете описать?

И я сказала:

– Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом [Ахматова 1997, 196].

Ахматова не только солидарно страдает вместе с женщинами, стоявшими в очередях, плачущими по убитым сыновьям, мужьям, братьям, она также расширяет это горе на прошлые эпохи, а даже на евангельские сцены страдающей Богоматери под крестом.

Нет! и не под чуждым небосводом

И не под защитой чуждых крыл, —

Я была тогда с моим народом,

Там, где мой народ, к несчастью, был [Ахматова 1997, 197].

Появляются в поэме аллюзии на ссылки и каторгу, о которых упоминали Пушкин, Достоевский и др.

Перед этим горем гнутся горы,

Не течет великая река,

Но крепки тюремные затворы,

А за ними «каторжные норы»

И смертельная тоска [Ахматова 1997, 197].

Замечаем также сравнение боли матери с болью «стрелецких женок», ассоциирующихся в культурной памяти с картиной Василия Сурикова «Утро стрелецкой казни» (1881), отсылающей к историческому событию



1698 г. – наказания стрельцов за мятеж против Петра Первого.

Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В темной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки,
Смертный пот на челе... Не забыть!
Буду я, как стрельецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть [Ахматова 1997, 198].

Действие, изображенное на картине, происходит в раннее осеннее утро на Красной площади в Москве. Перед церковью Василия Блаженного толпа людей: выделяются осужденные стрельцы в белых рубахах, держащие в руках горящие погребальные свечи. Стрельцы окружены членами их семей, женами, матерями, детьми. Экфразис как тип интертекстуального отношения актуализирует смыслы поэмы [Автухович 2011, 92]. Лирическая героиня расширяет индивидуальное горе по горизонтали в прошлое, пользуясь культурными и литературными кодами, по вертикали она выдвигает свой вопль на духовный, вечный, универсальный уровень при помощи библейских и религиозных (связанных с культурой и обрядами православия) интертекстов.

Экфразис в форме картины Сурикова актуализирует еще один смысл. На картине изображена толпа и одновременно можно детально увидеть эмоции отдельных лиц. Указание индивидуальности в соборном, а потом советском обществе является вызовом не только для Ахматовой, но также для Алексиевич.

Эссеистка размышляет над словами Теодора Адорно о том, что «после Аушвица поэзия (искусство, красота) невозможна» [Адорно 2003, 323], так как такие события подрывают в человеке его надежду на гуманистические ценности. В эссе появляется цитата из стихотворения «Яблоко в разрезе» Владислава Ходасевича: «Но кто хоть раз был смешан с прахом, / Не сложит песни золотой» [Ходасевич 2002, 136]. Седакова в эссеистическом тексте ведет солилоквиум, разговор с самой собой, ищет подтверждения, что при встрече с адом поэзия умирает, хотя интуитивно предчувствует совсем другую правду, которую доказывает, размышляя о литературных текстах Светланы Алексиевич и Антонии Арслан. В лекции, прочитанной на вручении Нобелевской премии в Стокгольме, Алексиевич также затронула проблему творчества во время адских обстоятельств на земле:

Сразу после войны Теодор Адорно был потрясен: «Писать стихи после Освенцима – это варварство». Мой учитель Алесь Адамович, чье имя хочу назвать сегодня с благодарностью, тоже считал, что писать прозу о кошмарах XX века кошунственно. Тут нельзя выдумывать. Правду нужно давать, как она есть. Требуется «сверхлитература». Говорить должен свидетель. Можно вспомнить и Ницше



с его словами, что ни один художник не выдержит реальности. Не поднимет ее [Алексиевич 2015 b].

Творчество после войны необходимо не только для того, чтобы история была учительницей жизни, но прежде всего для памяти о жертвах, индивидуальных лицах, брошенных в бессознательное или сознательное проклятие забвения. Культурологическая проза Ольги Седаковой обновляет память о великих женщинах, незаурядных и талантливых. Седакова обращает внимание на женщин, Алексиевич, Арслан, Ахматову, составляющих «свой круг» писательниц, с которыми ведет диалог. Замечаем идеализацию, мифологизацию, а даже пафос образов женщин, которые возникают в анализируемой эссеистике. В результате имеем также представление о самоидентификации Ольги Седаковой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т. Негативная диалектика, М.: Научный мир, 2003.
2. Автухович Т.Е. Экфрасис как жанр и / или дискурс // Диалог согласия: сборник научных статей к 70-летию В.И. Тютю / Ред. Федунина О.В., Троицкий Ю.Л. М.: Intrada, 2015. С. 85–94.
3. (a) Алексиевич С. В поисках вечного человека. URL: <http://alexievich.info/> (дата обращения 20.11.2019).
4. (b) Алексиевич С. О проигранной битве: нобелевская лекция Светланы Алексиевич. URL: <http://arzamas.academy/mag/212-aleksievitch> (дата обращения 20.11.2019).
5. (c) Алексиевич С. Память должна переходить в новые состояния. URL: <http://www.dw.com/ru> (дата обращения 20.11.2019).
6. (d) Алексиевич С. Современные люди уже зашли слишком далеко. Интервью, проведенное Антонио Лукасом. URL: <http://inosmi.ru/culture/20191008/245982986.html> (дата обращения 20.11.2019).
7. Алексиевич С. У войны не женское лицо. М.: Время, 2008.
8. Алексиевич С. Чернобыльская молитва. Хроника будущего. М.: Остожье, 2016.
9. (e) Алексиевич С. Я занимаюсь историей чувств. URL: <http://press-club.by/kanspekty/svetlana-aleksievich-ya-zanimayus-istoriey-chuvstv> (дата обращения 20.11.2019).
10. Алексиевич С. Что же такое память? Светлана Алексиевич беседует с Альмирой Усмановой // Беларусь в мире. 1998. № 3. С. 8–17.
11. Арслан А. Повесть о книге из Муша. М.: Река времен, 2017.
12. Ахматова А. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Художественная литература, 1987.
13. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс: Универс, 1994.
14. Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте / Сост., пер. с франц. и послесл. С. Зенкина. М.: Ad Marginem; Сталкер, 2002.



15. (a) Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. М.: Искусство, 1986.
16. (b) Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. М.: Искусство, 1986.
17. (c) Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
18. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1987.
19. Бродский И. Нобелевская лекция. М.: Изд-во Московского ун-та, 2008.
20. Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985.
21. Женетт Ж. Фигуры. Работы по поэтике: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.
22. Жулинская А.С. Интертекстуальность и способы ее реализации в художественном тексте // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». 2007. Т. 20 (59). № 1. С. 140–146.
23. Ильин И.П. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. Москва: Интрада, 1996.
24. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 427–457.
25. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Москва: URSS, ЛИБРОКОМ, 2009.
26. Литература non fiction: вымыслы и реальность. Конференц-зал // Знамя. 2003. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/1/r1.html> (дата обращения 20.11.2019).
27. Мещеркина Е. Устная история и биография: женский взгляд // Устная история, биография и женский взгляд / Ред. и сост. Мещеркина Е.Ю. М.: Невский простор, 2004. С. 13–24.
28. Пастернак Б. Полное собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1991.
29. Поляков Ю. Нобелевская премия по литературе политически ангажирована. URL: ria.ru/20151008/1298893026.html (дата обращения 20.11.2019).
30. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Пер. с фр., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
31. Румянцева Н. Татьяна Толстая в «Буквоеде». URL: www.youtube.com/watch?v=TQ5vL4MA09c (дата обращения 20.11.2019).
32. Седакова О. Ангелы и львы // Иностранная литература. 2013. № 6. С. 211–219.
33. Седакова О. Молчание Светланы Алексиевич и одиночество человека // Вестник русского христианского движения. 2016. № 206. С. 187–198.
34. (a) Седакова О. О Наталье Леонидовне Трауберг. URL: <http://olgasedakova.com/Moralia/1167> (дата обращения 1.06.2019).
35. (b) Седакова О. Об Эмили Диккинсон. URL: <http://olgasedakova.com/Poetica/258> (дата обращения 1.06.2019).
36. (c) Седакова О. Пушкин Ахматовой и Цветаевой. URL: <http://olgasedakova.com>.



com/Poetica/172 (дата обращения 1.06.2019).

37. Седакова О. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4, М.: Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2010.

38. Усна жіноча історія. Повернення / за ред. Галини Дацюк. Київ: Жіночий Центр «Спадщина», 2003.

39. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Москва: Магистериум: Изд. дом Касталь, 1996.

40. Ходасевич В. Стихотворения: сборник поэзии. М.: Директ-Медиа, 2002.

41. Шевченко Л. Поэтика документализма в книге Светланы Алексиевич «Время секонд-хенд» // *Slavia Orientalis*. 2018. № 2. С. 249–265.

42. Balbus S. Intertekstualność a proces historycznoliteracki. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1990.

43. Głowiński M. O intertekstualności // *Pamiętnik literacki*. 1986. № 77. Vol. 4. P. 75–100.

44. Jan Paweł II. Pamięć i tożsamość. Kraków: Wydawnictwo Znak, 2005.

45. Karpusheva A. Svetlana Aleksievich's Voices from Chernobyl: between an oral history and a death lament // *Canadian Slavonic Papers*. 2017. Vol. 59. P. 259–280.

46. Marchesini I. A new literary genre. Trauma and the individual perspective in Svetlana Aleksievich's "Chernobyl'skaia molitva" // *Canadian Slavonic Papers*. 2017. Vol. 59. P. 313–329.

47. Markiewicz H. *Literaturoznawstwo i jego sąsiedztwa*, Warszawa: Państw. wydaw. nauk 1989.

48. Nycz R. *Tekstowy świat. Poststrukturalizm a wiedza o literaturze*, Warszawa: Wydawnictwo IBL, 1993.

49. Riffaterre M. *Semiotyka intertekstualna: interpretant* // *Pamiętnik literacki*. 1998. № 79. Vol. 1. P. 297–314.

50. Taylor Ch. *Sources of Self. The Making of the Modern Identity*, Harvard: Harvard University Press, 1989.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Alekseyevich S. Chto zhe takoye pamyat'? Svetlana Alekseyevich beseduyet s Al'miroy Usmanovoy [What is Memory? Svetlana Alexievich Talks with Almira Usmanova]. *Belarus' v mire*, 1998, no. 3, pp. 8–17. (In Russian).

2. Głowiński M. O intertekstualności [About Intertextuality]. *Pamiętnik literacki*, 1986, no. 77, vol. 4, pp. 75–100. (In Polish).

3. Karpusheva A. Svetlana Aleksievich's Voices from Chernobyl: between an oral history and a death lament. *Canadian Slavonic Papers*, 2017, vol. 59, pp. 259–280. (In English).

4. *Literatura non fiction: vymysly i real'nost'*. Konferents-zal [Non-fiction Literature: Fictions and Reality. Conference Hall]. *Znamya*, 2003, no. 1. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/1/rl.html> (accessed 20.11.2019). (In Russian).

5. Marchesini I. A new literary genre. Trauma and the individual perspective in Svetlana Aleksievich's "Chernobyl'skaia molitva". *Canadian Slavonic Papers*, 2017,



vol. 59, pp. 313–329. (In English).

6. Riffaterre M. Semiotyka intertekstualna: interpretant. *Pamiętnik literacki*, 1998, no. 79, vol. 1, pp. 297–314. (In Polish).

7. Sedakova O. Angely i l'vy [Angels and Lions]. *Inostrannaya literature*, 2013, no. 6, pp. 211–219. (In Russian).

8. Sedakova O. Molchaniye Svetlany Aleksiyevech i odinochestvo cheloveka [The Silence of Svetlana Alexievich and the Loneliness of Man]. *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniya*, 2016, no. 206, pp. 187–198. (In Russian).

9. Shevchenko L. Poetika dokumentalizma v knige Svetlany Aleksiyevech “Vremya sekond-khend” [Poetics of Documentalism in the Book “Second-hand Time” by Svetlana Alexievich]. *Slavia Orientalis*, 2018, no. 2, pp. 249–265. (In Russian).

10. Zhulinskaya A.S. Intertekstual'nost' i sposoby ee realizatsii v khudozhestvennom tekste [Intertextuality and Ways of its Realization in a Literary Text]. *Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya “Filologiya”*, 2007, vol. 20 (59), no. 1, pp. 140–146. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

11. Avtukhovich T.E. Ekfrasis kak zhanr i / ili diskurs [Ekphrasis as a genre and / or discourse]. Fedunina O.V., Troitskiy Yu.L. (eds.). *Dialog soglasiya: sbornik nauchnykh statey k 70-letiyu V.I. Tyupa* [Dialog of Consent: Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of V.I. Tyupa] Moscow, Intrada Publ., 2015, pp. 85–94. (In Russian).

12. Bakhtin M.M. Formy vremeni i khronotopa v romane [Forms of Time and Chronotope in the Novel]. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow, Publ., 1987. (In Russian).

13. Kristeva Yu. Bakhtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, Slovo, Dialog i Roman]. Kosikov G.K. (transl.) *Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French Semiotics: From Structuralism to Poststructuralism]. Moscow, Progress Publ., 2000, pp. 427–457. (In Russian).

14. Meshcherkina E.Yu. Ustnaya istoriya i biografiya: zhenskiy vzglyad [Oral History and Biography: A Woman's Perspective]. Meshcherkina E.Yu. (ed.). *Ustnaya istoriya, biografiya i zhenskiy vzglyad* [Oral History, Biography and a Woman's Perspective]. Moscow, Progress Publ., 2000, pp. 13–24. (In Russian).

(Monographs)

15. Adorno T. *Negativnaya dialektika* [Negative Dialectics]. Moscow, Nauchnyy mir Publ., 2003. (In Russian).

16. (a) Bakhtin M.M. *Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti* [Author and Hero in Aesthetic Work]. Moscow, Iskustvo Publ., 1986. (In Russian).

17. (b) Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Esthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskustvo Publ., 1986. (In Russian).

18. (c) Bakhtin M.M. *Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh, Opyt filosofskogo analiza* [The Problem of Text in Linguistics, Philology and Other Humanities. The Experience of Philosophical Analysis]. Moscow, Iskustvo



Publ., 1986. (In Russian).

19. Balbus S. *Intertekstualność a proces historycznoliteracki* [Intertextuality and the Historical Literary Process]. Krakow, Jagiellonian University Publ., 1990. (In Polish).

20. Barthes R. *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress Univers Publ., 1994. (In Russian).

21. Barthes R. *Rolan Bart o Rolane Barte* [Roland Barthes about Roland Barthes] Transl., ed. Zenkin S.N. Moscow, Ad Marginem Publ., Stalker Publ., 2002. (In Russian).

22. Foucault M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality]. Moscow, Magisterium Publ., Publishing House of Kastal, 1996. (In Russian).

23. Geller M. *Mashina i vintiki. Istoriya formirovaniya sovetskogo cheloveka* [The Machine and the Screws. History of the Formation of the Soviet Man]. London, Overseas Publications Interchange Ltd Publ., 1985. (In Russian).

24. Genette G. *Figury. Raboty po poetike* [Figures. Works on Poetics]: in 2 vol. Moscow, Sabashnikov Publishing House, 1998. (In Russian).

25. Il'in I.P. *Poststrukturalizm, dekonstruktivizm, postmodernizm* [Poststructuralism, Deconstructivism, Postmodernism]. Moscow, Intrada Publ., 1996. (In Russian).

26. Jan Paweł II. *Pamięć i tożsamość* [Memory and Identity]. Krakow: Znak Publ., 2005. (In Polish).

27. Kuz'mina N.A. *Intertekst i ego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka* [Intertext and its Role in the Processes of Poetic Language Evolution]. Moscow, URSS Librokom, 2009. (In Russian).

28. Markiewicz H. *Literaturoznawstwo i jego sąsiedztwo* [Literary Criticism and its Neighborhood]. Warsaw, State Scientific Publishing House, 1989. (In Polish).

29. Nycz R. *Tekstowy świat. Poststrukturalizm a wiedza o literaturze* [Text World. Post-structuralism and Knowledge of Literature]. Warsaw, IBL Publishing House, 1993. (In Polish).

30. Piegay-Gros N. *Vvedeniye v teoriyu intertekstual'nosti* [Introduction to the Theory of Intertextuality]. Transl., ed. Kosikov G.K. Moscow, LKI Publishing House, 2008. (In Russian).

31. Taylor Ch. *Sources of Self. The Making of the Modern Identity*. Harvard, Harvard University Press Publ., 1989. (In English).

32. *Usna zhinocha istoriya. Povernennya* [Oral Women's History. Return]. Ed. Datsyuk G. Kiev, Heritage Women's Center Publ., 2003. (In Ukrainian).

(Electronic Resources)

33. Alekseyevich S. *V poiskakh vechnogo cheloveka* [In Search of the Eternal Man]. Available at: <http://alexievich.info> (accessed 20.11.2019). (In Russian).

34. Alekseyevich S. O proigrannoy bitve: nobelevskaya lektsiya Svetlany Alekseyevich [About the Lost Battle: The Nobel Lecture by Svetlana Alexievich]. *Arzamas*. Available at: <http://arzamas.academy/mag/212-aleksievitch> (accessed 20.11.2019). (In Russian).



35. Aleksiyevich S. *Pamyat' dolzhna perekhodit' v novyye sostoyaniya* [Memory must Pass into New States]. Available at: <http://www.dw.com/ru> (accessed 20.11.2019). (In Russian).

36. Aleksiyevich S. *Sovremennyye lyudi uzhe zashli slishkom daleko. Interv'yu, provedennoye Antonio Lukasom* [Modern People Have Already Gone too Far. Interview Conducted by Antonio Lucas]. Available at: <http://inosmi.ru/culture/20191008/245982986.html> (accessed 20.11.2019). (In Russian).

37. Aleksiyevich S. *Ya zanimayus' istoriyey chuvstv* [I Study the History of Feelings]. Available at: <http://press-club.by/kanspekty/svetlana-aleksievich-ya-zanimayus-istoriyey-chuvstv> (accessed 20.11.2019). (In Russian).

38. Polyakov Yu. *Nobelevskaya premiya po literature politicheski angazirovana* [The Nobel Prize in Literature is Politically Biased]. Available at: ria.ru/20151008/1298893026.html (accessed 20.11.2019). (In Russian).

39. Rumyantseva N. *Tat'yana Tolstaya v "Bukvoyede"* [Tatiana Tolstaya in the store "Bukvoed"]. Available at: www.youtube.com/watch?v=TQ5vL4MA09c (accessed 20.11.2019). (In Russian).

40. (a) Sedakova O. *O Natal'ye Leonidovne Trauberg* [About Natalia Leonidovna Trauberg]. Available at: <http://olgasedakova.com/Moralia/1167> (accessed 1.06.2019). (In Russian).

41. (b) Sedakova O. *Ob Emili Dikkinson* [About Emily Dickinson]. Available at: <http://olgasedakova.com/Poetica/258> (accessed 1.06.2019). (In Russian).

42. (c) Sedakova O. *Pushkin Akhmatovoy i Tsvetayevoy* [Pushkin by Akhmatova and Tsvetaeva]. Available at: <http://olgasedakova.com/Poetica/172> (accessed 1.06.2019). (In Russian).

Банасяк Даниэль, Лодзинский университет.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и культуры Института русистики. Научные интересы: история русской литературы XX–XXI веков, сопоставление исследований русской и европейской литературы, андеграундная поэзия 1960–1970-х гг., творчество Даниила Андреева, творчество Ольги Седаковой.

E-mail: banasiakdaniel@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8087-8187

Daniel Banasiak, University of Lodz.

PhD in Philology, assistant professor at the Department of Russian literature and culture at the Institute of Russian Studies. Research interests: history of Russian literature of the 20th – 21th centuries, comparing studies of Russian and European literature, 1960s and 1970s underground poetry, Daniil Andreev's works, Olga Sedakova's works.

E-mail: banasiakdaniel@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8087-8187